

О. С. Данилова, Л. В. Слуцкая

Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны

Данилова

Ольга Сергеевна,

*кандидат исторических
наук, ассоциированный
исследователь
лаборатории
«Идентичности,
культуры, территории»,
Университет Париж VII
им. Д. Дидро (Франция)*

Слуцкая

Людмила

Владимировна,

*кандидат исторических
наук, доцент,
Белорусский
государственный
университет
(Минск,
Республика Беларусь)*

В последнее время интерес к истории военных действий на Западном фронте Российской империи в годы Первой мировой войны, происходивших на территории современной Беларуси, неуклонно растет. Особое внимание проблеме боевых операций и событиям на оккупированных территориях уделяют белорусские историки В. В. Бондаренко¹, А. П. Грицкевич², М. В. Цуба³. Отдельные аспекты этой проблематики нашли отражение в работах М. В. Оськина⁴, А. Ю. Павлова⁵, в сборниках научных исследований, посвященных мировым конфликтам⁶.

Военной истории и Восточному фронту посвящено достаточно большое количество мемуаров, воспоминаний, дневниковых записей, в первую очередь российских военачальников, полководцев и офицеров⁷, однако особый интерес всегда вызывает взгляд со стороны иностранных очевидцев и участников военных действий, их «образ другого». До сих пор значительная часть таких источников не вовлечена в научный оборот, несмотря на то, что эти эго-документы не только проливают дополнительный свет на события того времени, но и позволяют раскрыть новые грани, казалось бы, уже хорошо известных событий и личностей.

В этой связи ценными источниками являются дневниковые записи представителей французской военной миссии⁸ — Жюль Легра и Пьера Паскаля. Они свидетельствуют о восприятии французами событий на фронтах Российской империи, в том числе на Западном. Это мемуары хроникального типа, которые отличаются искусством психологических характеристик, что делает их особенно ценными...

Французский профессор-славист Жюль Легра (1866–1939)⁹ прибыл в Российскую империю в феврале 1916 г. по за-

данию отдела службы военной пропаганды при втором отделе генштаба Министерства обороны Франции¹⁰. В состав данного отдела входила разрабатывающая планы пропаганды так называемая «Комиссия по русским вопросам» во главе с Директором Института восточных языков и одним из основателей Французского института в Санкт-Петербурге (1911) П. Буайе¹¹. Выбор на офицера и переводчика Легра пал не случайно, еще в конце XIX в. он неоднократно ездил в Сибирь с особыми поручениями Министерства народного просвещения и прекрасно знал русский язык. Легра не просто должен был демонстрировать русским военную мощь своего государства, его отправили ознакомить русский фронт с деятельностью и усилиями Франции с начала войны и заверить их во всяческой поддержке. Пропагандиста снабдили не только числовыми данными о военной технике, но и материалами для наглядной агитации: полутора сотнями фотографий с примерами героических подвигов французов под Верденом¹².

Сам Легра следующим образом описывал свою отправку на Восточный фронт: «цель моего путешествия в Россию — пропаганда. Наши русские союзники были изображены как склонные к отчаянию и мы надеялись им немного помочь. Моей скромной персоне предстояло разъяснять во многих городах, что происходило у нас в самом начале войны, с какими огромными трудностями мы столкнулись и как мы теперь действуем, ускоряя производство орудий и боеприпасов. С этой целью я прочту серию лекций на русском при поддержке и в пользу местного Красного Креста»¹³. В предисловии к книге «Воспоминания о России» он пояснит, что цель ее издания — «объяснить французскому народу оборотную сторону российской истории, тот кризис и упадок, который настолько удивил всех французов»¹⁴.

Хронологически дневники Легра, изданные им в виде книги в 1921 г., охватывают период со времени его приезда в Россию 20 февраля 1916 г. и до весны 1918 г., когда он был отозван во Францию¹⁵. В его мемуарах война предстает во всем ее многообразии: яркие картины повседневной жизни российской армии, в том числе Ставки Верховного главнокомандующего, характеристики военачальников, описание быта русской армии, рассуждения о деятельности корпусных штабов, о важнейших операциях русской армии и роли в них отдельных военачальников.

Первые записи повествуют о прибытии в Петроград, отъезд на Западный фронт Российской империи, в Ставку Верховного главнокомандующего и задачах, которые были возложены на француза. «Разрешение выступать на фронте было мне предоставлено на заседании, на котором меня не критиковали, не подвергали цензуре, — отмечал Легра. — Было решено, что я выступлю в Штабе Западного фронта, затем в 4-й и в 3-й армии, после чего я вернусь в Ставку, чтобы выступить там перед императором, если получу на это разрешение»¹⁶. Первое выступление состоялось 8 апреля 1916 г. в Штабе Западного фронта, находившемся в Минске, о чем Легра сделал запись в дневнике: «Этим утром я провел в офицерской столовой Штаба свою первую пропаганду среди русских. Зал был полон на 2/3 и включал около 250 офицеров

с генералом Эвертом первого ранга. Ничего нет более приятного, чем выступать перед русской публикой: она слушает вас с неослабевающим вниманием... Выступление закончилось, аплодисменты стихли, генерал Эверт поблагодарил меня и попросил всех прокричать "ура" в мою честь. Это первый опыт, очень неплохо прошедший»¹⁷.

Далее последовали выступления в 4-й и 3-й армии, которые оставили у него благоприятное впечатление. Так, описывая выступление в Штабе 4-й армии, который находился в помещицком имении Чапских в местечке Станьково, недалеко от Минска, Легра писал, что после выступления его ожидал приятный сюрприз: «меня приехал увидеть генерал Владимир Драгомиров (В. М. Драгомиров после начала войны возглавлял Штаб 3-й армии под командованием генерала Н. В. Рузского, а в марте 1915 г. был назначен начальником Штаба армий Юго-Западного фронта, сменив в этой должности генерала М. В. Алексеева. — *Авт.*), который пожал мне руку и его глаза наполнились слезами... Я чувствовал в этих произвольных слезах, что мое изложение темы попало в точку»¹⁸.

Выступления французского профессора пользовались большим успехом: «Лекция г. Легра дышала мужественным оптимизмом, любовью к Франции, теплой дружбой к России и крепкой верой в близкую и полную победу союзников над Германией»¹⁹, — писали газеты того времени. Военный цензор в Ставке Верховного Главнокомандующего Михаил Лемке в своем дневнике 5 января 1916 г. охарактеризовал их следующим образом: «Вечером французский профессор Жюль Легра читал сообщение "Вооруженная Франция" — о том, что сделала наша союзница для борьбы с немцами; любопытно, что за 1 года она увеличила производство ружей в 157 раз, пулеметов — в 63 раза и т. д. ...В общем сообщение было полезно для нашего штаба, который все еще даже и сейчас, после 70 дней Вердена, думает, что войну ведет только Россия. Время сообщения было ограничено присутствием царя 45 минутами. Были почти все офицеры не только нашего управления, но всего штаба. Французское правительство командировало Легра для ознакомления России со всем тем, что сделала и делает Франция для войны. Отсюда он едет на фронты»²⁰.

Значительное внимание в записях Легра уделено Ставке Верховного главнокомандующего: он не просто раскрывает ее структуру, но и показывает атмосферу, которая там царила. Впервые Легра оказался в Ставке в апреле 1916 г., получив разрешение выступить перед Императором, и был приглашен за императорский стол, чтобы лично познакомиться с монархом. Первая встреча произвела на француза достаточно благоприятное впечатление: «После ужина император подошел к генералу Лагишу, затем повернулся ко мне и спросил меня о теме моего выступления, буду ли я говорить по-русски, и не смущает ли меня это. Я ответил, что я привык выступать перед публикой, но что его присутствие может привести меня в некоторое волнение. — Что ж, — воскликнул он, — я не хочу вас смущать!

— Сир, — ответил я, улыбаясь, — это нечестно!

— Хорошо! Итак, я иду! Сейчас же!

Я изложил эти незначительные детали, чтобы показать робкую и ласковую деликатность монарха»²¹.

Однако по мере пребывания в Штабе Западного фронта, в том числе и в Ставке, суждения Легра кардинально меняются, они уже не столь оптимистичны, как были в самом начале. Перемены, произошедшие после переноса Ставки из Барановичей в Могилев, он оценивает негативно: «Ставка представляет собой нечто вроде Центра распределения свободных ресурсов. Она действует, главным образом, улаживая вопросы высшего личного состава, согласно главным требованиям, назначение на которые Император сохраняет за собой, после договоренности с начальником своего Штаба. ...Ограниченная такого рода действиями, роль Ставки в большей части становится моральной. Ставка, благодаря присутствию Императора, символизирует единство русского народа и русской армии, и этом смысле идею, которая подтолкнула Николая II, встать во главе своих войск, вести за собой»²². Легра осуждает императора, считая, что тот не прав, поскольку ему слишком нравится находиться в спокойной обстановке, которая создает ему иллюзию военной жизни, и в окружении, которое он считает одновременно простым и преданным, он отдыхает от столицы. Подобные суждения явно небезосновательны, поскольку в начале XX в. тактические учения русской армии часто имели постановочно-показательный характер, особенно если они проходили в присутствии монарха. Не обходит вниманием он и других членов императорской семьи. Так, характеризуя управления, которые включает в себя Ставка, француз отмечает: «Авиация не была представлена в Ставке. Главнокомандующий этой службой, великий князь Александр Михайлович находится в лучше расположенном, приятном городе Киеве, где он абсолютно сам себе хозяин. Это одна из многочисленных причин, которая тормозит авиационную службу. Но будет ли это достаточной причиной для того, чтобы великий князь принес в жертву свои привилегии?»²³

Объехав с пропагандистской миссией все армии Западного и Юго-Западного фронтов, Легра приходит к выводу, что условия Российской империи разительно отличаются от условий Западной Европы: «Безграничные пространства, огромная численность населения, зачаточное состояние транспортных средств, вооружения, снабжения, санитарной службы, и неразвитость средств связи»²⁴...

Особого внимания заслуживают страницы, посвященные российским военачальникам, в которых автор характеризует известных представителей военной элиты того времени. Легра высоко оценивает таких генералов, как П. С. Балувев и В. И. Гурко: «Генерал Балувев, командующий 5-м корпусом, один из самых значительных военных, которого я встретил в моей долгой поездке. Я охотно поместил бы его рядом с генералом Гурко»²⁵. Про начальника Штаба, Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, Легра замечает: «Это достойный человек, наделенный хладнокровием и приветливостью. Его твердый и ясный ум позволяют работать ему со знанием дела, которое так необходимо его русским подчиненным. К тому же он высоко ценит мнения главнокомандующих иностранных миссий при

Ставке. Такой характер исключительно полезен в разнородной среде, из которой сформирована Ставка»²⁶.

Легра подметил очень важное отличие между офицерами войск и офицерами Штаба, которое особенно заметно в России: «Дипломированный офицер — это все, офицер войск — ничто, если только не помощь сильных мира сего или исключительная заслуга, которая ни у кого не вызывает подозрений»²⁷. В продолжение этой темы француз отмечает отсутствие «личного взаимодействия сверху вниз между начальством и любым офицером»²⁸.

В отдельных записях Легра пускается в рассуждения о просчетах военачальников Западного фронта. Он с нескрываемым недовольством и критикой рассматривает подготовку и проведение Нарочской операции марта 1916 г., закончившейся неудачно, обвиняя в первую очередь командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, ответственного, по мнению Легра, за ее провал: «...Постоянные приказы и контрприказы накануне атаки; непрерывные колебания о группировании войсковых частей, вмешательство в ход операции, например, за два дня до наступления поменяли подразделение, которое знало участок, на другое, которое никогда не видело его. Наконец, после неудач, оскорбительные упреки адресовали командующему и генералам, которые ему [Эверту] подчинялись. Изучив эти документы, я ощутил огромную печаль: бездарность генерала Эверта проявилась здесь в этих напыщенных и пустых фразах; его нерешительность, подчеркнутая бесчисленными контрприказами; его непонимание действительности, рассредоточенное в указаниях, когда каждый человек, знавший окопы и материальные средства, которыми располагали немцы, осознавал неосуществимость этой операции»²⁹.

Многими мелкими, но довольно любопытными подробностями изобилуют записи француз о белорусских городах, в которых он выступал перед военной публикой: «Минск — это большой город, но за исключением довольно красивых центральных улиц, он достаточно неприглядный. Улицы предместий, заставленные обозами, увязшими в застывшей грязи, обнаженные мостовые, сразу производили впечатление чего-то серого, грязного, унылого, давящего и впечатляющего. ...Слуцк — это маленький древний город и поразительно грязный, но оживленный, насчитывающий 15 тысяч жителей; большинство населения — евреи. Присутствие Штаба производит огромное оживление; однако не могу утверждать, что население смотрит на этот военный аппарат одобрительно»³⁰.

На фоне словесных зарисовок о белорусских землях и городах, Легра описывает и фронтовые будни посещаемых армий. «Я попросил разрешения у генерала Леша, командующего 3 армией, — отмечал он, — посетить... типичный участок линий его армии... Фронт проходил в 75 км от Слуцка, около маленького вокзала Синявка. Пересекаемый регион обжитый и, кажется, достаточно населенный... Мы посетили несколько блиндажей: они неглубокие, потому что как только углубишься, появится вода. Впрочем... в южном направлении, к Пинску и каналу Огинского, находится регион еще более заболоченный, где невозможно

укрыться, где даже мешки с землей оседают и тонут. Блиндажи, у нас перед глазами надежные и симпатичные, защищены бревенчатыми покрытиями. Солдаты, которых мы видели, хорошо сложенные мужчины, молодые, казавшиеся жизнерадостными»³¹.

Генерал Л. В. Леш предоставил в распоряжение француза автомобиль и тем самым, по словам Легра, избавил его от поездки по железной дороге: нужно было преодолеть примерно 250 км. Характерно описание местности, сделанное им в этой поездке: «Дорога, которой я следовал, соединяла Москву с Брест-Литовском. Я проехал через Бобруйск, маленький еврейско-русский город... На трассе было больше снега, чем в нескольких подлесках. Из Бобруйска в Могилев ехали практически без остановки через красивый хвойно-березовый лес. Бригады дорожных рабочих, мужчин и женщин, работали, поддерживая эту дорогу в хорошем состоянии; я почти не видел в других странах пример подобного рвения. Это и есть царские окрестности, о которых мне говорили? Говорят, император часто прогуливается по этой дороге»³².

Сильное впечатление произвело на Легра посещение линии фронта, проходившей в Сморгони, куда он добирался вместе с русским офицером из Штаба 64-й дивизии, располагавшейся в Затишье, пешком: «Прекрасная дорога, некогда в хорошем состоянии, с растущими деревьями, теперь пустынна: тут и там видны воронки, враг следит за ней. Тем не менее, в этот утренний час немцы не беспокоят свою артиллерию из-за двух одиноких военных: они, конечно, видят нас, но вероятно, им нет до нас дела.

Маленький городок Сморгонь разрушен: церкви в руинах; деревянные дома в огне, вплоть до земли. Первая линия русских траншей почти совпадает с северо-восточной границей города; они оборудованы прочными блиндажами, покрытыми крупным брусом, чередующиеся мешками с песком. Траншеи чистые и в них поддерживается образцовый порядок. За исключением часовых, в этот ранний час все спят. Враг бодрствует, можно не сомневаться, ибо он преследует нас своими пулями»³³.

В записях Легра начала 1917 г. все чаще встречаются мысли о том, что действия союзников при Ставке российского императора не скоординированы и все совместные усилия обречены на провал. Зачастую российские офицеры кормили своих иностранных союзников пустыми обещаниями, не предоставляя необходимых сведений. Об этом наглядно свидетельствует следующий пример: «в Залесье потерял все утро, ожидая лошадей, которые появились у нас спустя 2 часа: забыли о нас, хотя говорят, что ждали. Мы достигли минометной батареи подполковника Александра Разумовского, но по разным выдуманым причинам, как я считаю, нам сказали, что нет времени совершать облет. День был потерян для нас, но, без сомнений, не для подполковника Разумовского. Этот офицер сказал, что плохо себя чувствует, но когда мы уезжали, на самом деле он был у прекрасной особы, которая ведала вагоном Пуришкевича в Залесье; к его и нашему великому удивлению, когда мы столкнулись с ним, он привел очень милую особу, чтобы поужинать с ней в вагоне. ...Это свидетельствует о беспорядке, который меня беспокоит»³⁴. После отречения Николая II

«изгнание» Легра в Минск, как он сам называл пребывание в Штабе Западного фронта, закончилось. В марте с румынской миссией он был отправлен на Северный фронт, откуда 8 мая вернулся во Францию.

Другим ярким представителем миссии является лейтенант Пьер Паскаль (1890–1983) — выпускник Эколь Нормаль, француз-католик, удостоенный соотечественниками ироничного титула «христианский большевик»³⁵. После двух ранений, полученных на фронте, в апреле 1916 г. он был направлен в Россию в составе французской военной миссии³⁶ (сформирована согласно союзническим обязательствам Франции перед Россией для помощи в ведении войны) в качестве сотрудника вспомогательного отдела 2-го бюро миссии с конкретной задачей: обеспечивать дипломатическую переписку с Бухарестом³⁷. Только в июне 1916 г. де Шевийи, которому Министерство иностранных дел поручило заниматься в Петрограде «пропагандой», затребовал лейтенанта себе в помощники.

По свидетельству П. Паскаля, миссия, направленная в Россию в 1916 г., была многочисленной по составу: «офицеры Штаба и другие кадровые офицеры, артиллеристы, летчики, специалисты службы связи, шифровальщики и т. д., предназначенные делиться опытом, полученным во Франции с русской армией. Несколько мобилизованных гражданских, дешифраторов, деловых людей, светских и выполняющих самые разнообразные функции, для поддержания отношений в различных русских кругах, должны были писать в газеты и журналы, налаживать французскую пропаганду...»³⁸. Следует отметить, что открытой информации о присутствии французской миссии при Ставке Верховного главнокомандующего не было. В «Правительственном вестнике» регулярно публиковались сведения о других иностранных военных миссиях, как, например, сербской и японской³⁹. Судя по всему, французская была секретной, даже Легра в своих мемуарах отмечал: «французскую миссию по вооружению игнорировали официально: приказали никогда о ней не говорить и даже не упоминать ее название в прессе, ибо любое упоминание безжалостно вырезалось цензурой»⁴⁰. Это же подтверждает проживавшая в Могилеве во время войны Марина Белевская: «Французов я не знала. Они как-то незаметно сидели в своей гостинице и ни один слух о них не проникал в город. Изредка их представителя, кажется, генерала Жанена, можно было видеть на вокзале. Маленький блондин, по внешности напоминающий простого русского крестьянина, так не гармонизировавший с представлением о французской нации, он скромно и тихо жил в Ставке»⁴¹.

В отличие от Легра, который в первую очередь фиксировал и анализировал события военной жизни, оценивал действия командующих армиями, Паскаль в «Русском дневнике» стремился не просто разобраться в текущих событиях, но и вникнуть в тонкости русской души, понять Россию и ее страдающий от войны народ.

Прибыв на Западный фронт, Паскаль находился при Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве, расположившись вместе с другими иностранными атташе в отеле «Бристоль», выполнял работу дешифровщика. Однажды, после беседы за завтраком с пол-

ковником 140-го русского полка, он записал в дневнике: «Мы пришли к согласию относительно того, что Франции не хватает людей, Англии — мужества, России — материальных средств»⁴². Эта мысль красной нитью проходит через все страницы дневника, посвященные событиям Первой мировой войны.

Будучи глубоко верующим человеком, он регулярно посещал костел, по его словам, «возможно, бывшую униатскую церковь»⁴³. Сравнивая Могилев с Петроградом, он говорил, что в белорусском городе «возникает впечатление, будто ты в католической стране», «нет речи об иностранном культе», как в «стране пребывания», Петрограде⁴⁴.

Довольно часто Паскаль рассуждал о «русской душе», отмечая, что у крестьян не было ненависти к врагу. «Пти, один из членов французской военной миссии, — пишет Паскаль, — рассказывает, как в деревне некто встретил женщину с маслом: он хотел купить, но она сказала, что оно для австрийских пленных; он предложил более высокую цену; она отказалась: "Они несчастные". А многие пленные, особенно славянского происхождения, добившись, чтобы их взяли в [русские] семьи, растворились среди населения»⁴⁵.

В продолжение этой темы француз отмечает, что русский стремится сам о себе судить. «У моего товарища Лабри во Французском институте есть служащий, чистопородный русский Алексей, которого мы как-то раз вывели на разговор. Лабри спросил его: — Что ты думаешь о поляках? У тебя наверняка есть какое-нибудь мнение. — Трудно сказать господин профессор, мы не очень знаем поляков. — Но все-таки имеет ли русский о поляках определенное суждение? — Ну конечно! Господин профессор, это — "народ хитрый", а наш народ "простой". Русский народ считает, что его объедает толпа инородцев, а он оказывается не столь ловок, чтобы им противостоять; он не знает окольных путей, уловок, дебрей судопроизводства, финансового искусства»⁴⁶, — констатирует Паскаль. Он также выделяет следующие черты, характерные для русских: невероятное хладнокровие и в наступлении, и в отступлении. Однако, несмотря на внешнее спокойствие, русский пылок⁴⁷.

Рассуждая о Барановичской операции июня 1916 г., француз с сожалением пишет о ее непомерно высокой цене: «Наступление обошлось очень дорого: Новочеркасский полк потерял под Барановичами пятерых полковников. ...Наступление под Барановичами стоило 30 тыс. человек»⁴⁸.

В начале 1917 г. в Могилеве, в Ставке Паскаль получает награду из рук Николая II: «Я был при дворе... Видел императора, невысок, окладистая борода, брюнет, болезненная физическая внешность. Перед завтраком был представлен ему: он спросил меня, был ли я во Франции на фронте. Затем посмотрел на меня какое-то время, ничего не говоря, и удалился. После завтрака все встретились в зале, император совершил обход, с некоторыми говорил. Подошел ко мне и вручил орден Св. Анны в футляре»⁴⁹ (Легра, помимо ордена Св. Анны 2-й степени, за военные заслуги был награжден в России орденом Св. Станислава 2-й степени и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами⁵⁰. — *Авт.*). После того как

Паскаль узнал, что крест был предназначен англичанину Эдвардсу, он пытается понять мотивы монарха: «Было ли это ошибкой Императора? Скорее он следовал своему впечатлению или своей симпатии, чем своим бумагам»⁵¹.

По мере приближения революционных событий октября 1917 г. настроения меняются не только в иностранных миссиях, но еще больше в солдатской среде: отсутствие дисциплины, низкий уровень культуры в деревнях. «Настроение в войсках плохое, чести не отдадут. Однажды полковнику Першене один человек отдал честь: удивленный, он задал вопрос почему, и тот ответил: “это допускается по личному мнению”»⁵², — отмечает Паскаль. Усилия союзной пропаганды разбиваются о чрезмерную озлобленность. Паскаль заносит в свой дневник: «А ведь русский народ — это такой народ мира, который менее всего приемлет принуждение. Военная дисциплина всегда казалась ему дьявольской выдумкой... У русского народа острое чувство трагического характера этой войны, которой он не желает, которая абсурдна, которой не должно желать человечество, не способное из нее выпутаться»⁵³.

Таким образом, мемуары Легра и Паскаля являются ценным источником, поскольку отражают мироощущение иностранных офицеров, оказавшихся на западном театре военных действий Российской империи. Они содержат не только важные подробности фронтовых будней и уникальные характеристики российских военачальников, но и передают настроения местного населения, солдатской среды, высших армейских кругов. Немаловажно и то, что в этих документальных свидетельствах четко проявилась индивидуальность авторов, которая повлияла на восприятие ими происходивших событий и отразилась на их описании.

¹ Бондаренко В. В. Утерянные победы Российской империи. Минск, 2010.

² Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2009.

³ Цуба М. В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918. Пінск, 2010.

⁴ Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011; Проблемы резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 144–150.

⁵ Павлов А. Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008.

⁶ Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002; Образ войн и революций в исторической памяти. М., 2009; Беларусь ў гады Першай сусветнай вайны: Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэр. міжнар. навук.-практыч. канф. (Смаргонь, 18–19 мая 2007). Мінск, 2009; Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. М., 2011; Россия и Великая война: опыт и перспективы роли Первой мировой войны в России и за рубежом. М., 2011.

⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001; Бубнов А. Д. В царской ставке. М., 2008. — URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/bubnov_ad/index.html (дата обращения: 23.12.14); Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007; Болеславский Р. Путь улана. Воспо-

минания польского офицера. 1916–1918. М., 2006; Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924; Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2003; Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920. Т. 1. Минск, 2003.

⁸ Данилова О. С. Жюль Легра: новые штрихи к портрету (по материалам личного фонда) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013. С. 26–49; Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Наука. Человек. Общество. Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 1. С. 87–102; Павлов А. Ю. Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Россия в Первой мировой войне. Вып. 3. М., 2013. С. 33–41; Слуцкая Л. В. 1) Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества // Вышэйшая школа. 2011. № 4. С. 45–49; 2) Деятельность Французской военной миссии в России (1916–1919 гг.) // Весці нацыянальнай Акадэміі Беларусі. 2013. № 3. С. 77–81; Bibliotheque municipale de Dijon (далее — BMD), Fonds Legras. Photographies de la guerre de 1914–1918 (service photographie de l'armée).

⁹ Данилова О. С. Жюль Легра: новые штрихи к портрету (по материалам личного фонда) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013. С. 26–49.

¹⁰ Ministère des Affaires Etrangères (далее — AMAE). Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Série Guerre 1914–1918, Russie. Dossiers 681–682. Propagande française.

¹¹ Archives nationales de France, Centre historique des archives nationales, Paris, AJ/62/66, 67, 69. Ecole nationale des langues orientales vivantes. Dossiers Paul Boyer: documents sur la Russie, documentation sur la guerre de 1914–1918.

¹² BMD, Fonds Legras. Photographies de la guerre de 1914–1918 (service photographie de l'armée).

¹³ Legras J. Mémoires de Russie. Paris, 1921. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. VIII.

¹⁵ BMD. Fonds Legras, Journal de Jules Legras (1890–1939), Ms 3041 cahiers 52–60; Ms 3042 cahiers 61–67; Ms 3043 cahier 68.

¹⁶ Legras J. Mémoires de Russie. 3. 23.

¹⁷ Ibid. P. 24.

¹⁸ Ibid. P. 25.

¹⁹ И. Ж. Вооруженная Франция. Лекция Юлия Легра. BMD, Fonds Legras. Dossier 7. Conférences en Russie.

²⁰ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке, 1916. Минск, 2003, С. 509–510.

²¹ Legras J. Mémoires de Russie. P. 33.

²² Ibid. P. 152–153.

²³ Ibid. P. 153–154.

²⁴ Ibid. P. 152.

²⁵ Ibid. P. 75.

²⁶ Ibid. P. 50.

²⁷ Ibid. P. 84.

²⁸ Ibid. P. 153.

²⁹ Ibid. P. 76–77.

³⁰ Ibid. P. 25–26.

³¹ Ibid. P. 30.

³² Ibid. P. 31–32.

³³ Ibid. P. 82.

³⁴ Ibid. P. 159–160.

³⁵ Данилова О. С. Пьер Паскаль — политический и духовный путь. По материалам французских архивов // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2011. Вып. 10. С. 221–242.

³⁶ Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC), Archives de Pierre Pascal, F delta rés 883 (1) (5); AMAE, Guerre 1914–1918. Russie. Dossier généraux 686, 761, 756; Centre des Archives diplomatiques de Nantes (CADN), Mission militaire française en Russie (1917–1919). Carton 6, dossier spécial 79.

³⁷ Service historique de la Défense, archives de l'Armée de Terre. 7 N 1553 Mission Russie, officiers, dossier lieutenant Pascal; 8 Ye 12337 Dossier d'officier de P. Pascal.

³⁸ Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014. С. 24. — См.: *Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918. Lausanne, 1975. P. 14.*

³⁹ О японской военной миссии // Правительственный вестник. 1916. 17 авг. С. 2; О сербской военной миссии // Правительственный вестник. 1916. 2 окт. С. 2.

⁴⁰ Legras J. Mémoires de Russie. P. 17.

⁴¹ Белевская М. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918. Воспоминания. Проза. Гродно, 2001. С. 26.

⁴² Паскаль П. Русский дневник. С. 130.

⁴³ Там же. С. 132.

⁴⁴ См.: Там же. С. 132, 161.

⁴⁵ Паскаль П. Русский дневник. С. 123.

⁴⁶ Там же. С. 100.

⁴⁷ См.: Бабинцев В. А., Бугров К. Д. «Русский дневник» П. Паскаля: война и революция в России глазами французского военного специалиста. С. 272.

⁴⁸ Паскаль П. Русский дневник. С. 88–89.

⁴⁹ Там же. С. 135.

⁵⁰ Archives nationales de France. Série “Ministère de l’Instruction publique” F/17/24516, Dossier de carrière de J. Legras.

⁵¹ *Pascal P. Mon journal de Russie. P. 80.*

⁵² Там же. С. 186.

⁵³ Там же. С. 211.

УДК 94(470) «1914/1918»(093.3)

Данилова О. С., Слуцкая Л. В. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 16–28.

АННОТАЦИЯ: В статье представлен анализ мемуаров и дневниковых записей представителей французской военной миссии — Жюль Легра и Пьера Паскаля — о событиях на Западном фронте Российской империи в годы Первой мировой войны, происходивших на территории современной Беларуси. Этот фронт был не только одним из важнейших театров военных действий,

но и служил для прикрытия стратегического направления Смоленск—Москва. Даже в период революционных потрясений он продолжал существовать, и положение на нем имело первостепенное значение для исторических судеб государств, втянутых в этот конфликт. Одним из важнейших источников по данной проблематике являются дневниковые записи и мемуары французских офицеров, находившихся в России во время войны со специальной миссией. Оба автора в России оказались не впервые и не случайно. Германист и университетский преподаватель русского языка и литературы Ж. Легра еще в XIX в. путешествовал по России, являлся автором популярных во Франции в эпоху русско-французского союза книг о русской действительности и потому был отправлен пропагандистом на фронты Российской империи, задачей его было демонстрировать русским военную мощь Франции и заверить их во всяческой поддержке. Его мемуары отличает обилие военных и армейских деталей, рассуждения об устройстве русской армии и преимуществах или недостатках русского солдата, причем с точки зрения компаративистики, ведь как германист Легра был автором работ на тему уклада немецкой армии и особенностях разведывательной работы в Германии. Выпускник университета П. Паскаль был намного моложе Легра, оказался после двух ранений на фронте глубоко в российском тылу, но тоже с целью пропаганды, хотя, по его же словам, он предпочел бы чисто военную работу. Его, также неоднократно посещавшего в начале XX в. Россию, направили в составе французской военной миссии в Россию именно как специалиста, прекрасно владеющего русским языком. В отличие от Легра, он в своих мемуарах не просто стремился разобраться в текущих событиях, но и проникнуть в тонкости русской души, понять любимую им страну и ее страдающий от войны народ. Его «русский дневник» — это своеобразный литературный памятник охваченной войной и революцией России, это бесценный источник по ментальной и интеллектуальной истории той эпохи, который отличает особое обаяние личного документального свидетельства. Эти эго-документы обоих авторов позволяют раскрыть новые грани, казалось бы, уже хорошо известных событий и личностей. Они содержат яркие картины повседневной жизни российской армии, в том числе Ставки Верховного главнокомандующего, характеристики военачальников, описание быта русской армии, рассуждения о деятельности корпусных штабов, о важнейших операциях русской армии и роли в них отдельных военачальников. Особый интерес представляют воспоминания членов французской военной миссии о белорусских городах, в которых проходила линия фронта. Особенно ценным в мемуарах является то, что французские офицеры записывали и анализировали происходившие события день за днем, а не восстанавливали их по прошествии времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемуары, имагология; образ другого; Первая мировая война, Западный фронт Российской империи, Французская военная миссия, Ставка Верховного главнокомандующего, Ж. Легра, П. Паскаль.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Данилова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь лаборатории «Идентичности, культуры, территории» (Университет Париж VII им. Д. Дидро); cerhlaf@gmail.com | Слуцкая Людмила Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь); l_slutskaya@mail.ru

Danilova O. S., Slutskaya L. V. 'Memoirs Concerning the Russian Empire and its Western Front Among French Participants of World War I'

ABSTRACT: The article analyzes the memoirs and diaries of members of the French military mission — Jules Legras and Pierre Pascal — and provides information about the Russian Empire's Western front and about military action on the territory of modern Belarus during the first years of the World War I. This front was not only one of the most important theaters of the war, but it also defended the strategic Smolensk-Moscow line. The front continued to exist even in the period of revolutionary upheaval, and the affairs that took place there were of the highest importance and exerted the greatest influence over the historical destinies of the countries involved in this conflict. One of the most important sources on this subject are the diaries and memoirs of the French officers who served with their country's military mission in Russia during World War I. It was not for the first time and not just by chance that these writers appeared in Russia. J. Legras was a specialist in German studies and taught Russian on the university level;

he had traveling all over Russia already in the 19th century. Legras was the author of popular books about the situation in Russia and this explains why he was sent as a propagandist to the front lines of the empire. His aim was to testify to France's military potential among the Russians and assure them about the depth of French support. His memoirs describe the war and military action in detail. They are full of his thoughts about the structure of Russian Army and the positive and negative characteristics of the Russian soldier. Legras compared these subjects to their German analogs, as he was the author of work on the structure and peculiarities of the German Army and its intelligence operations. P. Pascal was much younger than Legras and a university graduate. After being wounded twice, he found himself deep in the Russian rear, occupied with propaganda, despite the fact that he would have preferred to return to combat. As Pascal had already visited Russia several times at the beginning of 20th century and spoke Russian fluently, he was sent to Russia as a member of French military mission. Unlike Legras, Pascal spent time in his memoirs not only analyzing current events, but also pondering the intricacies of the Russian soul, attempting to understand a country he loved and the Russian people who were suffering in this war. His "Russian Memoirs" are a kind of literary monument to Russia, a country that was deeply convulsed by war and revolution; they are an invaluable source for the intellectual history of that epoch. The personal documents of both writers reveal new facets of seemingly well-known events and personalities. The memoirs of Legras and Pascal are an invaluable source because they reflect the attitude of French officers from inside the Russian Empire's military affairs. These memoirs contain not only detailed and unique descriptions of the Russian Empire's military leaders and discussions of the day-to-day routine at the front, but they also convey the mood of locals and soldiers, the mood of the highest military officers and descriptions of the Belarusian cities involved in the war. These French officers paid special attention to Supreme Headquarters, located in Mogilev after 1915, supplying detailed descriptions of the army leadership and the daily routine of ordinary soldiers. These memoirs also reflected upon the activity of corps headquarters in detail, particularly the main military operations of the Russian army and the role that some of the Russian leaders played in these actions. But what is most valuable about these memoirs is the fact that the French officers were recording their observations and analysis concerning military affairs at the time the events were unfolding, rather than retrospectively.

KEYWORDS: memoires; imagology; "image of other"; The World War I; The Russian Empire's Western front; French military mission; the Supreme Headquarter; Jules Legras; Pierre Pascal.

AUTHORS: *Danilova O. S.* — Candidate of History, Associate researcher of Laboratory "Identities-Cultures-Territories" (Paris Diderot University); cerhlaf@gmail.com | *Slutskaya L. V.* — Candidate of History, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus); L_slutskaya@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Babintsev V. A. 'Leitenant Pascal i ego anabasis: voskhogdenie v Rossii' in *P. Pascal Russkii dnevnik. Vo frantsuzskoi voennoi missii* (Yekaterinburg, 2014).
- ² Belevskaya M. *Stavka Verhovnogo Glavnokomandouyuchego v Mogileve. 1915–1918 gg. Vospominaniya. Proza* (Grodno, 2011).
- ³ Coeuré S. *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme* (Lausanne, 2014).
- ⁴ Danilova O. S. 'Jules Legras: novye chtrihi k portretu (po materialam litsnogo fonda)' in *Frantsyzi v nauchnoi i intellektualnoi gisni Rossii XIX veka* (Moscow, 2013).
- ⁵ Danilova O. S. 'Pierre Pascal – politicheskii i duhovnyi put, po materialam frantsuzskikh arhivov' in *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX veka*, Iss. 10 (Moscow, 2011).
- ⁶ Legras J. *Mémoires de Russie* (Paris, 1921).
- ⁷ Pascal P. *Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918* (Lausanne, 1975).
- ⁸ Pascal P. *Russkii dnevnik. Vo frantsuzskoi voennoi missii* (Yekaterinburg, 2014).
- ⁹ Slutskaya L. V. 'Frantsuzi na sluzhbe interesov Sovetskoy Rossii: politicheskii aspekt sotrudnichestva' in *Viheyhaya shkola*, 2011, no. 4.
- ¹⁰ Souvarin B. 'Pierre Pascal i sphinx' in *Continent*, 1982, no. 34.